

Е.А. Назарян

Генерал-адъютант Ф.Ф. Винцингероде и ротмистр Л.А. Нарышкин во французском плену

Судьбы русских военнопленных и обстоятельства, при которых они попадали в плен, условия содержания, то, как проходило освобождение и возвращение на родину, – все это по-прежнему остается малоизученными страницами истории антинаполеоновских войн.

Один из известных эпизодов войны 1812 года, касающийся изучаемой проблемы, связан с пленением 10 октября (ст. ст.) 1812 г. в Москве барона Ф.Ф. Винцингероде и ротмистра Л.А. Нарышкина. Обстоятельства пленения были не совсем ясны, и поэтому сразу же стали появляться различные слухи и толки, выдвигаться разнообразные версии.

Рассмотрим, какие же версии появились, как они сформировались и попытаемся выяснить, что же произошло на самом деле. Весь комплекс оставленных воспоминаний, писем и рапортов позволяет сформировать три версии случившегося.

Версия первая: Винцингероде, встревоженный известием о том, что французы собираются взорвать Кремль, спешил на переговоры с Мортье и обманным путем попал в плен. Сторонники этой версии – С.Г. Волконский, Л.Х. Бенкендорф, А.А. Шаховский и др.

Версия вторая: Винцингероде ехал в Москву с целью провести переговоры с Мортье. Эту версию поддерживали Л.А. Нарышкин и Иловайский 4-й. И Нарышкин в своих воспоминаниях, и Иловайский 4-й в своем рапорте утверждают, что Винцингероде собирался вести переговоры с Мортье. Но Иловайский 4-й сообщает, что целью переговоров было «лично убедить оставшегося в Кремле начальником из неприятельской армии к сдаче»¹, а Нарышкин пишет – «переговорить ... с целью убедить, что мы не будем атаковать, пока он в свою очередь не атакует – все для

того, чтобы иметь более возможности действовать всеми силами на Смоленской дороге, не обнажая дороги на Петербург».

Версия третья: основная причина, по которой Винцингероде бросился в Москву – честолюбие и авантюризм, желание прослыть освободителем древней столицы. Так считали М.И. Голенищев-Кутузов, А.П. Ермолов, Ж. Рапп, А.Я. Булгаков, Ф. Сегюр, А. де Коленкур.

Рассмотрим, насколько достоверны приведенные выше версии, и имеют ли они доказательную базу.

Версия первая. «Спасение Кремля». Ни Волконский, ни Бенкендорф не являлись очевидцами событий. Волконский, как следует из его же воспоминаний, на станции Вышневолоцкой встретил фельдъегеря, от которого узнал о пленении Винцингероде и Нарышкина, а потом беседовал об этом с разными людьми, а после освобождения из плена – с Нарышкиным и Винцингероде. Так что его мнение – это точка зрения группы офицеров, близких к Винцингероде. Следует отметить, что Нарышкин в своих воспоминаниях ни разу не упоминает о том, что основная цель поездки в Москву – спасение Кремля от подрыва. Так что здесь налицо явное противоречие. Кстати, Волконский же рассказывает о столкновении Винцингероде и Иловайского 4-го. Винцингероде обвинил Иловайского в том, что тот обманул его в своих донесениях, сообщив, что занял Москву вплоть до Кремля, а на самом деле в Москве периодически появлялись только разъезды казаков.

Бенкендорф 10 октября находился под Можайском, контролируя Смоленскую дорогу. Свои воспоминания написал в конце 30-х годов XIX в., где очень скупно, буквально двумя фразами, сообщает о пленении Винцингероде и Нарышкина. Однако сохранилось его письмо к графу М.С. Воронцову от 14 октября 1812 г., в котором он высказывает совсем иную версию: «По неверным донесениям казаков они [Винцингероде и Нарышкин. – *Е.Н.*] продвинулись слишком

далеко вперед и, увидев поблизости неприятеля, решили действовать в качестве парламентаров; их отвели к маршалу Мортье, в то время коменданту Кремля, и, как я узнал, объявили пленными и в этом качестве увели с собой»³. Бенкендорф сам себе противоречит. Учитывая все имеющиеся несоответствия, данную версию можно считать весьма далекой от истины. Хотя именно эта версия излагалась в словаре Брокгуза и Ефрона и впоследствии сохранилась в некоторых советских изданиях⁴.

А.А. Шаховской в своих воспоминаниях, написанных в 1836 г., утверждает, что именно его речи подтолкнули Винцингероде отправиться в Москву. «Некоторые чиновники полиции, вышедшие из Москвы, переряженные ходили в нее и приносили разные известия барону Винцингероде. На другой день приезда моего в Чашниково они его уведомили, что Наполеон намерен взорвать Кремль. Оставшись после ужина один с бароном, я с ужасом сказал ему, что взрыв Кремля, где покоятся мощи угодников, поразит отчаянием всю Россию ... Сердце генерала, быстро воспламеняемое благородным ощущением, вспыхнуло; он изменился в лице и, вскоча со стула, вскрикнул: “Нет, Бонапарте не взорвет Кремля. Я завтра дам ему знать, что если хоть одна церковь взлетит на воздух, то все попавшиеся к нам французы будут повешены”. На другой день, как Вы подробно знаете из письма Л.А. Нарышкина, наш отрядной начальник сам выехал с ним в оставленную Наполеоном Москву, был схвачен и потом избавлен от смерти удалством нынешнего графа Чернышева»⁵.

Анализируя воспоминания, понимаешь, что автор романтизирует эпоху 1812 года, свою молодость. Да и сам Шаховской не отрицает, что не ставил целью точно, беспристрастно и достоверно передать происходящее: «Еще раз прошу извинить мое отступление, но с лишком 40 лет драматический писатель, говоря языком страстей, я на 60-м году не могу отстать от долгой привычки»⁶. Данные, приведенные А.А. Шаховским,

противоречат воспоминаниям Л.А. Нарышкина и Иловайского 4-го, которые, как уже говорилось выше, не упоминают о стремлении Винцингероде предотвратить взрыв Кремля. Необходимо учитывать и личностный мотив, стремление автора подчеркнуть свою роль в этом деле. «Признаюсь, я долго винил себя, что, быть может, своим ужасом возбудил пагубную для него мысль...»⁷ Следовательно, опираться на воспоминания А.А. Шаховского как на достоверный исторический источник не представляется возможным.

Версия вторая. «Переговоры». Этой версии придерживаются основные очевидцы событий 10 октября 1812 года: Нарышкин и Иловайский 4-й. Кроме воспоминаний Нарышкина, изложенных в письме к Михайловскому-Данилевскому в 1836 или 1837 г., воспоминания о тех событиях сохранились в «Дневнике 1812–1813 гг.» Г.В. Геракова, ныне забытого писателя начала XIX в. Дневник был опубликован в четвертом выпуске сборника ГИМа «Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография». Гераков был частым гостем семьи Нарышкиных в Санкт-Петербурге, встречался со Львом Нарышкиным в ноябре 1812 г., после его освобождения из плена. В своем дневнике он кратко воспроизвел рассказ Нарышкина. «Я, привязав белый свой платок к казацкой пике, велел ехать вперед, затем еще два казака, потом Винцингерод и я, – а за ними 15 казаков с Иловайским 4-м – трусом генералом. Ехали по Тверской улице. Винцингероде приказал через меня Иловайскому возвратиться со всеми казаками, мне не следовать за ними, а сам поехал вперед. Караул, стоящий у губернаторского дома, вышел в ружье; офицер бледный преклонил саблю, спросил, что угодно? Винцингероде сказал, что желает говорить с Мортье. В сие время какой-то гусарский французский офицер, бежавший при виде казаков, бросился в сие мгновение на Винцингерода, говоря, что он его пленник ... Я, потеряв из глаз своего генерала, поскакал. Караул стрелял в

меня, но бог спас меня. И я успел офицера уговорить препроводить меня к Мортье; он согласие дал; и велел слезть с лошади; обезоружили и скорым шагами по развалинам Москвы любезной, по телам, по ужасам для всякого русского – в поте лица, привели меня в Кремль»⁸. Версия Л.А. Нарышкина выглядит весьма продуманной, создается впечатление, что, находясь в плену, Винцингероде и Нарышкин не раз обговаривали ситуацию и то, как следует ее интерпретировать.

Четверть века спустя в письме к Михайловскому-Данилевскому Нарышкин, по сути, не отходит от своей версии событий. Он уточняет мотивы поездки Винцингероде в Москву: «Генерал намеревался тревожить неприятельскую армию во время ее флангового марша на Смоленск, блокировать, или, вернее, наблюдать, гарнизон Москвы двумя казачьими полками и отправиться с этой целью самому в Москву, от которой мы находились только в 12-ти верстах, чтобы лично переговорить с генералом Иловайским 4-м ... постараться спасти французских больных, рассеянных по городу и избиваемых крестьянами, и, наконец, переговорить, если возможно, с начальником отряда, который должен был укрепиться в Кремле, с целью убедить его, что мы не будем атаковать, пока он в свою очередь не атакует – все для того, чтобы иметь более возможности действовать всеми силами на Смоленской дороге, не обнажая дороги на Петербург» . По словам Нарышкина, только прибыв в расположение казачьих полков, они «заметили, что забыли взять трубача»¹⁰. Но «время было дорого», как пишет Л. Нарышкин, поэтому было решено обойтись белым носовым платком. Ни слова о беседе Винцингероде с Иловайским 4-м. Никаких нелестных отзывов о последнем. Сохранился рапорт Иловайского 4-го М.И. Кутузову о произошедшем от 11 октября. Прочитируем интересующий нас фрагмент: «Корпусный командир генерал-лейтенант Его Императорского Величества генерал-адъютант Винцингероде, вчерашнего числа по полудни в 7

часов, прибыв ко мне из с. Чашникова в таковое ж Никольское, где я находился с авангардом его корпуса, объявил, что он непременно должен быть в Москве дабы лично убедить оставшегося в кремле начальником из неприятельской армии к сдаче, приказав с сим вместе двинуть к столице весь авангард; все сие было исполнено в самое короткое время, и он, корпусный командир приближаясь к городу, приказал полки оставить при Петровском дворце, а сам немало медля поехал во внутрь города к Кремлю; взяв туда же с собою Изюмского гусарского полка ротмистра Нарышкина; я находясь при нем, хотя неоднократно сам тогда, и прежде еще приближения к Москве в присутствии штаб и обер-офицеров, предлагал ему не ездить самому к неприятелю и тем удалить себя от каких-либо неприятельских действий, но все осталось безуспешно, ибо Винцингероде не выждав еще возвращения посланного ... к неприятельским аванпостам вроде парламентаря сотника Попова и приближаясь к самой заставе неприятельской, которая была у Тверских ворот, и оставив позади себя всех при нем бывших, тотчас подъехал к неприятелю, тогда его взяли 2 неприятельские солдата и отвели к кремлю, а вслед за ним подобным образом въехавшего ротмистра Нарышкина, не прошло еще нескольких минут, после того сделано по сотнику Попову довольно ружейных выстрелов, а спустя еще несколько времени, вышло из Кремля 2 роты пехоты, которые, стреляя залпом, принуждали удаляться помянутого офицера»¹¹.

Обратите внимание, что, как и Нарышкин, Иловайский ни словом не упоминает о намерениях неприятеля взорвать Кремль и о стремлении Винцингероде предотвратить это злодеяние. В рапорте Иловайского 4-го сквозит некое недоумение по поводу спешки, устроенной Винцингероде: все равно французы отходят, так что днем раньше, днем позже... Проскальзывают и оправдательные нотки: мол, неоднократно предлагал не ездить самому, в присутствии штаб- и обер-офицеров. Видимо, он предполагал разбирательство и давал понять, что у него есть свидетели, что он лишь подчинился приказам командира.

Косвенно подтверждает неудовольствие императора действиями Иловайского 4-го и тот факт, что Винцингероде заменил генерал-адъютант П.В. Голенищев-Кутузов, а не Иловайский 4-й.

Анализируя текст рапорта, можно сделать вывод и о том, что Винцингероде обладал взрывным характером и вел себя крайне неосторожно. Возможно, Иловайский намеренно поворачивает так события, чтобы избежать ответственности, а может быть, эта неосмотрительность Винцингероде – результат нервного перевозбуждения, вызванного ссорой с Иловайским 4-м и желанием на личном примере показать, как нужно действовать.

В рапорте Иловайского и воспоминаниях Нарышкина имеются лишь незначительные расхождения. Например, Иловайский говорит о двух французах, арестовавших Винцингероде, хотя на самом деле известно, что арестовал Винцингероде французский лейтенант. В работе секретаря-архивариуса Наполеона Огатона Фэна¹² указывается: «Накануне отхода русский генерал Винцингероде (Wintzingerode), увлеченный своей поспешностью войти в Москву, попал на один из наших аванпостов. Оставленный своим эскортом при первом ружейном выстреле, русский генерал напрасно попытался выйти из этой ситуации, махая своим носовым платком, изображая из себя парламентаря; лейтенант Леле де Мопертюи (Leleu de Maupertuis) из 5-го полка вольтижеров Молодой гвардии схватил лошадь под уздцы и препроводил своего пленника в Кремль. Герцог Тревизский отправил с ним (т.е. офицером. – *Е.Н.*) генерала Винцингероде и его адъютанта, юного Нарышкина»¹³. Но выдвигаемая здесь точка зрения на действия Винцингероде должна быть отнесена к третьей версии.

Кстати, сохранился и рапорт лейтенанта Леле де Мопертюи генералу графу Делаборду, из которого следует, что не было ни трубача, ни белого флага: «Мой генерал, я рад сообщить Вам, что, побывав в дивизии на площади Правительства с тридцатью восемью вольтижерами 5-го полка, я был уведомлен моими часовыми, что были замечены два офицера

на лошадях, следовавшие с несколькими лансьерами¹⁵. Их униформа была мне незнакома, я подъехал поближе, чтобы их распознать. На мой окрик: “Кто идет?”, генерал, который был у них во главе, ответил: “Франция!” Я приблизился к нему, взял уздечку его коня. “Кто Вы?” - спросил я его. “Я генерал и я приехал, чтобы расквартировать войска и освободить крестьян”. Эти доводы не могли меня убедить, я остановил его, осмотрел его свиту, когда проследовал к ней, то она соединилась с другим отрядом кавалерии, человек, может, в 200. С офицером остался и сопровождал его один адъютант, и я послал их двоих в Кремль». Сведения с французской стороны несколько подрывают стройность версии, изложенной Нарышкиным и прямо отправляют нас к третьей версии.

Версия третья. «Авантюризм и честолюбие». Этой версии придерживался генералитет как русской, так и французской армий, и, по-видимому, часть петербургского высшего света.

А.П. Ермолов, анализируя известные события, пишет в своих «Записках»: «С малым конвоем и немногими из свиты своей генерал Винцингероде подъехал к заставе города, конечно, не для обозрения, но правдоподобнее, с намерением, устранив неприятеля готовностью к бою, склонить к сдаче Москвы. Сопровождавший его слабый конвой был опрокинут и, не подавши знака, что прислан для переговоров, хотя и настоятельно утверждал, что все против него были обстоятельства, и он был взят под стражу». И далее Ермолов весьма язвительно утверждает, что Винцингероде охотно внес бы освобождение Москвы в «смету своих подвигов». Ермолов ставит в вину Винцингероде то обстоятельство, что он «прежде всех знал о выступлении Наполеона из Москвы, но о том не известил фельдмаршала»¹⁷. Как видно, Ермолов не верит в намерение вести переговоры, единственной реальной целью Винцингероде он считает стремление объявить себя освободителем Москвы.

М.И. Кутузов в рапорте Александру I называет причиной

плена «неимоверную неосторожность»¹⁸ Винцингероде. А в письме к жене выражается откровеннее: «Не знаю, как быть с Марией Алексеевной? Она поручила мне сына [Льва Нарышкина], которого я было и взял к себе, но не мог удержать. Пристал ко мне и выпросился командовать полком у Винцингерода и по непонятной глупости Винцингерода попался в полон с им вместе в самой Москве»¹⁹. Судя по всему, Кутузов, как и Иловайский 4-й, считал, что неприятель и так уйдет из Москвы, и, конечно же, глупо рисковать, пытаясь ускорить события.

А.Я. Булгаков²⁰ в своем письме к Наталье Васильевне Булгаковой пишет: «Бедный Винцингероде попался в плен; ему вздумалось выкинуть молодецкую штуку и проехать под видом парламентаря; его схватили на Тверской, против дома главнокомандующего. Он положился на казаков, которые уверили его, что Москва совершенно оставлена французами. Лев Нарышкин, узнав, что его начальник в плену, ударил свою лошадь в шпоры, изрубил нескольких французов, в надежде спасти его, но сделался жертвою своего самоотвержения: он тоже взят в плен...»²¹ Обращает на себя внимание тот факт, что А.Я. Булгаков косвенно обвиняет казаков в пленении Винцингероде и Нарышкина. Говорит, что именно неверные донесения Иловайского 4-го о том, что Москва практически оставлена французскими войсками, послужили толчком к печальным событиям.

Наверное, наиболее резко высказался о мотивах Винцингероде генерал Рапп: «Генерал Винцингероде не мог сдержать своего нетерпения; он выдвинулся в эту столицу перед тем как наши войска эвакуировались: они оказались отрезаны; он заявил, что он парламентар»²².

Аббат Сюрюг²³, находившийся в то время в Москве, писал, что Мортье не мог признать Винцингероде парламентаром,

посчитал, что это отговорка, «при помощи которой тот хотел выпутаться из дела, так как Винценгероде явился в Москву тайно, переодетым, чтобы попытаться совратить наших солдат, и не объявлял о своем прибытии сигналами горниста, как то делают парламентарь»²⁴.

Сегюр в своих воспоминаниях так описывает интересующий нас эпизод. «Винцингероде получил, вероятно, сведения о том, что французская армия выступила из Москвы; стоя вблизи от Москвы, он проник в предместье и связался с местными жителями. Мелкие нападения со стороны казаков и вооруженных крестьян вынудили герцога Тревизского стянуть к центру свой маленький корпус, чтобы не подвергать его риску в этом громадном городе. Когда наши войска подтянулись к Кремлю, Винценгероде пробрался в город переодетым, дошел до наших постов и воспылил надеждой либо осуществить маневр, который принудил бы герцога Тревизского эвакуировать Москву, либо добиться того же результата, отвратив наших солдат от исполнения их долга; местные жители считали это делом легким, так как думали, что наши солдаты недовольны. Наши войска охраняли только подступы к Кремлю и коммуникационную линию, связывавшую Москву с Можайском, которая была вместе с тем коммуникационной линией всей армии. Набросив на себя штатское пальто, Винцингероде приходил беседовать с солдатами на наших аванпостах. Его сопровождали несколько местных жителей, тоже говоривших по-французски; все они, следуя его примеру или его советам и ссылаясь на официальные источники, сообщали солдатам о последних событиях, об испытанных нами неудачах, об ожидающих их лишениях, об опасностях, которым они напрасно подвергаются, о доброте и великодушии императора Александра, о его благосклонном отношении к иностранцам и особенной любви к военным, о бесполезности борьбы, поскольку император Наполеон отступает, и о том, что в их интересах сложить оружие и спокойно ждать до заключения мира в стране, которая так охотно их приютит,

и т.д. Многие солдаты, принимая Винцингероде за простого обывателя, позволяли ему говорить, не обращая внимания ни на его особу, ни на его речи. Но один из гусаров, более наблюдательный, чем другие, послушав некоторые разговоры, обратил на него внимание. Возмущенный такими речами, он задержал его и притащил на гауптвахту; оттуда Винцингероде, несмотря на все его жалобы и протесты, повели к коменданту. Когда в нем опознали русского офицера, он тщетно пытался утверждать, будто явился в качестве парламентаря. Это была неправдоподобная басня. Его оставили под стражей и препроводили к герцогу Тревизскому; герцог отнесся к нему с уважением, но как к военнопленному; он не мог признать его отговорку, при помощи которой тот хотел выпутаться из дела, так как Винцингероде явился в Москву тайно, переодетым, чтобы попытаться совратить наших солдат, и не объявлял о своем прибытии сигналами горниста, как то делают парламентары. Сын обер-камергера Нарышкина, адъютант Винцингероде, стоял с несколькими казаками недалеко от наших постов. Видя, что Винцингероде не возвращается, он осведомился у местных жителей, что произошло с генералом. Они сказали, что его только что арестовали. Тогда, не возвещая о себе сигналами горниста, не вызывая какого-либо офицера или унтер-офицера для переговоров, он отправился к французскому посту, спросил о своем генерале и добровольно сдался в плен, чтобы иметь честь не покидать своего начальника. Эта чисто сыновняя преданность офицера своему командиру несколько изумила всех; молодого человека взяли под стражу и препроводили к маршалу»²⁵.

А. Коленкур в своих мемуарах практически повторяет слова Сегюра²⁶. Оба обвиняют Винцингероде в том, что он лично агитировал французских солдат предать императора и сдаваться в плен. Таким образом, французы изначально не верили ни в какие переговоры и ждали от Винцингероде только какого-либо подвоха или

провокации. Наполеон, по словам Сегюра, вообще считал Винцингероде «интриганом» и «дрянным человеком»²⁷. Многое говорит о том, что Винцингероде были свойственны авантюризм, вспыльчивость, высокая самооценка. Даже его биографы подтверждают это²⁸.

Анализируя имеющийся материал, мы видим, что интерпретация событий во многом зависит от личности человека, его воспитания, образования, симпатий или антипатий, тайных или явных намерений и целей. Так что даже сейчас, выбирая ту или иную версию событий или предлагая свой вариант, мы отстаиваем лишь ту точку зрения, которая соответствует нашему мироощущению и личному опыту.

В заключение надо сказать, что дальнейшие события достаточно хорошо известны. 6 ноября 1812 г., во время рейда Чернышева, через тылы противника партия урядника Дудкина в м. Радошкевичи захватила трех «каб-курьеров с важными бумагами, выручила из плена генерала Винцингероде, генерал-майора Свечина, ротмистра Нарышкина и некоторых других людей»²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. 19. СПб., 1912. С. 67.

² Воспоминания Л.А. Нарышкина / *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1903. Вып. 2. С. 155.

³ Записки Бенкендорфа. М., 2001 С. 321–322.

⁴ *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. VI А. С. 501.

⁵ Двенадцатый год: Воспоминания князя А.А. Шаховского // Рус. архив. 1886. №11. Ст. 379.

⁶ Там же. С. 380.

⁷ Там же. С. 379.

⁸ Дневник 1812–1813 гг. Г.В. Геракова // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. М., 2005. Вып. IV. С. 175.

⁹ Воспоминания Л.А. Нарышкина... С. 155.

¹⁰ Там же. С. 156.

¹¹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. 19. С. 66–67.

¹² Фэн Агатон Жан Франсуа (1778–1873), барон империи (1809), французский государственный деятель, писатель, мемуарист. С 1804 г. хранитель императорских архивов, с февраля 1806 г. секретарь-архивист личного кабинета императора Наполеона, весной 1813 г. стал личным секретарем императора, сопровождал его в кампаниях 1812–1814 гг.

¹³ *Fain A.J.F.* Manuscript de 1812. P., 1827. Т. 2. P. 169–170.

¹⁴ Делаборд Анри Франсуа (1764–1833), граф империи (1809), французский дивизионный генерал (1793). С 1 февраля 1812 г. командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией Великой армии, с которой участвовал в русском походе 1812 г.

¹⁵ Лансьеры – всадники с пиками, но из текста непонятно, уланы или казаки. Однако, сопоставив факты, можем с уверенностью утверждать, что это были казаки.

¹⁶ Rapport à M. le general comte Delaborde, Commandant la 1re division de la garde impériale / *Chuquet A.* Lettres de 1812. 1911. Ser. 1. P. 94–95.

¹⁷ Записки А.П. Ермолова, 1798–1826. М., 1991. С. 264.

¹⁸ М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. IV. Ч. 2. С. 175.

¹⁹ Там же. С. 193–194.

²⁰ Булгаков Александр Яковлевич (1781–1863), сенатор (1856), секретарь посольства в

Неаполе при посланнике Д.П. Татищеве, московский почт-директор до 1856 г.

²¹ Письмо А.Я. Булгакова Н.В. Булгаковой. Владимир, 19 октября 1812 г. // Рус. архив. 1865. Ч. 4. Ст. 707–708.

²² Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Ч. 2. С. 145.

²³ Сьюрюг Адриан (1753–1812), аббат, французский эмигрант, иезуит, с 1796 или 1797 г. наставник детей графа А.И. Мусина-Пушкина, с 1808 г. настоятель французской католической церкви Св. Людовика в Москве.

²⁴ *Surugue A.* Mil huit cent douze: Les Français à Moscou / Publ. par R.P. Libercier. Moscou, [1909] P. 52.

²⁵ *Сегюр Ф.* Поход в Москву в 1812 году. М., 1911. С. 243–244.

²⁶ *Коленкур А.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 305–314

²⁷ *Сегюр Ф.* Указ. соч. С. 252.

²⁸ *Wintzingerode E.* Stammbaum der Familie Wintzingerode, mit biographischen Erläuterungen. Göttingen, 1848.

²⁹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. 17. С. 91